

Сара Ишантураева

Кандидат в депутаты Совета Национальностей

Той осенью Академический театр им. Хамзы ставил свои спектакли в Уч-Курганской степи. Играли на открытой сцене, и зрителей собиралось столько, что не вместил бы их ни один театр мира. Тысячи строителей Большого Ферганского канала смотрели пьесу Хамзы «Бай и батрак». В безмолвии звездной ночи изредка словно шелест ветра пробегал по рядам: люди подавались всем телом вперед, иногда слышался чей-то глубокий вздох...

На сцене погибала прекрасная, мужественная, любящая Джамия, не покорившаяся рабской доле, до конца отстаивавшая свою честь. Трагическая судьба этой женщины волновала зрителей...

...Утром артисты проходили по трассе. Среди них была невысокая женщина с внимательным и добрым взглядом. При виде ее люди восторженно шептались: «Это Джамия!».

Старческий голос окликнул ее. Она оглянулась и увидела старика с ослепительной белой бородой. Он сказал:

— Остановись, ападжан! Дай посмотреть на тебя и поблагодарить. Всю свою жизнь я прожил в дальнем кишлаке. Если бы не попал сюда, никогда не узнал бы того, что довелось мне видеть вчерашним вечером... Вначале думалось мне, что вижу я картину. Но потом, взглянув на картину этой движущейся живой люди. Тогда я не утерпел и пошел ближе, ближе и все-таки глазам своим не верил — точно ожило халекое прошлое. Бай, ростовщик, батрак... Хотел бы я понять, как могла ты стать той, совсем иной женщиной, и сердцу каждого из нас внушить такое сочувствие к ее горю?

В бесхитростном вопросе старика было столько непосредственного восхищения силой искусства, что Сара Ишантураева в этот момент с особой остротой ощутила

все счастье артиста, отдающего талант родному народу.

Чуткость народа ко всему подлинно прекрасному, глубина и непосредственность восприятия искусства всегда наполняли Сару радостью. Она видела, как много дает театр душам людей, и это рождало у артистки чувство огромной ответственности за свое искусство, страстное желание совершенствовать его.

Первая в истории театра постановка Шекспира на узбекском языке рождалась в мучительных сомнениях. Артисты спрашивали себя: сумеют ли они донести дух бессмертной трагедии до зрителя? Для Сары Ишантураевой это был период непрекращавшихся творческих исканий. На улице, в трамвае, дома, всюду — она жила чувствами и мыслями Офелии.

Двадцать три вечера, пока шел «Гамлет», улица возле театра была заполнена людьми. Сюда прибывали целые караваны арб из ближних колхозов, грузовые машины доставляли рабочих с предприятий.

Этот спектакль был триумфом не только Гамлета — Абрара Хидоятова, но и Офелии — Сары Ишантураевой.

...В зрительном зале царил та напряженная предгрозовая тишина, которая вот-вот готова разразиться бурей рукоплесканий. Нежная, трогательная Офелия властвовала над серицами. Ее поэтический образ покорял зрителей. Не только в родном городе, но и позже, на сцене одного из крупнейших театров Москвы Сара Ишантураева в этой роли получила высокое признание зрителя.

В то время артистка чаще, чем когда-либо, вспоминала о своем дебюте. Сара было тогда 12 лет. Драматург и ин-

терната, где она воспитывалась, ставил пьесу «Сиротка» для женщин улицы Карьягды. Роль сиротки исполнила Сара. В то время она не знала никаких театральных приемов и плакала на сцене самими настоящими слезами. Рыдали и женщины в зрительном зале.

Роль сироты недаром увлекла девочку. Приемные родители любили Сару, но все-таки где-то в глубине ее существа жила память о рано покинувшей ее матери.

Отец, батрачивший у бабей Янги-Кургана, умер в 1910 году, за несколько месяцев до рождения Сары, оставив жену с тремя детьми. Нечем было кормить детей и пришлось раздать их чужим людям. Немного прожила после того и мать Сары — исчалась в горе и нищете...

Приемные родители были добры к девочке. Но и их одолевала бедность. В поисках счастья семья уехала из Янги-Кургана и поселилась под Ташкентом. Но и здесь ее преследовала горькая нужда.

Однажды приемный отец объявил, что продает 9-летнюю Сару за 500 рублей в жены старому Артыкбаю, известному бо-

гачу, имевшему четырех жен. Сара плохо понимала суть того, что произошло. Но мать вдруг изменилась в лице и пронзительно закричала: «Не отдам, не отдам, легче умереть!». Отец молчал, опустив голову.

Наутро мать взяла Сару за руку и пошла к кази (судье). Она упала в ноги судье, плакала, умоляла... Многих трудов стоило уговорить его расторгнуть договор, заключенный с Артыкбаем.

Когда пришла советская власть, Сара настояла, чтобы ее отдали в интернат. Незадолго перед тем подруга Турсун-ой поехала в театр. Первые пришла туда Сара. Все здесь поразило ее воображение. На сцене появился чорт, и первым движением Сары было, быстрее бежать. Насилу успокоила ее Турсун-ой. После этого спектакля театр стал мечтой Сары. Она сама сочинила несколько сенок и разыгрывала их с подругами в интернате. Так родился кружок, снискавший себе известность и за пределами улицы Карьягды. Когда надо было послать двух девушек на учебу в Москву, в узбекскую драматическую студию, были выбраны Сара и Турсун-ой. Но Наркомпрос возражал против их посылки: и Сару и Турсун-ой было всего по четырнадцать лет. Как волновались девочки! Они даже пошли на обман, уверяя, что произошла ошибка — в самом деле им по шестнадцать!

Мать, узнав, что Сара собирается в Москву, начала отговаривать ее, но, видя непреклонность дочери, стала просить только об одном: ходить везде в парандже.

Всю дорогу Турсун-ой убеждала подругу снять паранджу. Вот поезд подошел к перрону Казанского вокзала. Сквозь вихрь белых снежинок, застилавших окно, Сара увидела множество людей. Решительно сорвала она с себя паранджу, спрятав ее и никогда больше с тех пор не надевала.

В узбекской драматической студии при театре им. Бахтангова уже нелетный год шли занятия. Там учились Маннон, Уйгур, Абрар Хидоятов, Ятым Бабаджанов, Люффу-

ла Назруллаев. Новых студентов они встретили с удивлением: «Каких-то детей прислали!».

Начались занятия — русский язык, политграмота, биомеханика, пластика, танцы... Новый мир открылся для Сары, и она чувствовала себя в нем как птица в свободном полете.

Режиссеры-педагоги Симонов и Свердлов высоко оценили дарование Сары, увидели в ней прирожденную актрису. В этой хрупкой темноглазой девочке их радовали живость восприятия, наблюдательность, богатство воображения, упорное стремление глубоко осмыслить и правильно разрешить предлагаемую творческую задачу.

Не только в студии — в лучших театрах страны училась будущая актриса. Образы актерского мастерства давала ей игра величайших артистов современности.

Но вот учеба окончена. Молодые артисты возвратились в родной Узбекистан. С этого времени начался настоящий подъем театра, организованного выдающимся узбекским драматургом, поэтом, композитором, общественным деятелем, Хамзой Хаким-Заде Ниязи. Этот театр, верный заветам своего организатора, был подлинно революционным, романтическим театром высоких страстей, героического восприятия и изображения действительности. Огромную роль сыграл он в переделке сознания зрителей, в борьбе с пережитками старого.

Много смелости надо было тогда иметь женщине-узбечке, чтобы выступать на сцене. Женские роли кое-где продолжали исполнять мужчины. Актрисы подвергались преследованиям отсталых родных, травле кулачьи, мулл, ишанов. Сценическая деятельность для узбечки была равна подвигу. В Максиму Кариеву бросали камнями. Артистка Нурхон за отказ бросить сцену была убита. От руки отсталого мужа погибла любимая подруга Сары — Турсун-ой.

Саре пришлось выдержать большую борьбу дома.

— Не думала, что из тебя выйдет мас-караба! (шут, комедиант), — горько ус-

рала ее мать. — Стыд и позор! Как я теперь буду смотреть людям в глаза?! Ко-ран говорит: «Скажи женщинам, чтобы они пугались свои взоры, показывали бы наряды только своим мужьям». На тебя будет смотреть весь город! Горе мне!

Борьбой за счастье, за свободу человеческой личности проникнуты образы, созданные Ишантураевой. Велика сила их воздействия на зрителя. Нередко после спектакля женщины сбрасывали с себя паранджу. Целая вереница женских образов: Джамия («Бай и батрак»), Лауренсия («Овечий источник»), Офелия («Гамлет»), Катерина («Гроза»), Дездемона («Отелло»), Лариса («Бесприданница»)... Со свойственным ей сценическим обаянием Сара опозитизировала, раскрыла душевную красоту этих женщин, их непреодолимое стремление к счастью.

Летом 1937 года в Москве состоялась декада узбекского искусства. Товарищи Сталин, Молотов, Каганович присутствовали на спектаклях. В числе лучших артистов Узбекистана была награждена орденом Трудового Красного Знамени и Сара Ишантураева. А через несколько лет, когда праздновалось двадцатипятилетие театра им. Хамзы, правительство наградило Ишантураеву орденом Ленина.

В дни войны артистке, как никогда, хотелось слиться с народом, отдать ему весь свой талант. Она выступала на призывных пунктах, на военной площадке вокзала. Стихи Хамиды Алимджана «Проводы на фронт», Уйгуна «Вперед!» звучали в ее устах страстным призывом.

Бригада узбекских артистов была послана обслужить части Красной Армии, находившиеся в Иране. Среди артистов была и Сара Ишантураева.

...Когда в колхозах Янги-Кургана начались собрания по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, на устах у избирателей было имя: Сара Ишантураева. Жители Янги-Кургана убеждены в том, что их знаменитая землячка достойна быть избранной в верховный орган советской власти.

З. ДАВЫДОВА.